

Н. Бердяев

Душа России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н. Бердяев**
Душа России / Н. Бердяев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 42 с.

ISBN 978-5-458-54680-5

ISBN 978-5-458-54680-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

культура Россіи,—то ядро жизни, по отношенію къ которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка, не занимаетъ еще великодержавнаго положенія въ мірѣ. Духъ Россіи не можетъ еще диктовать народамъ тѣхъ условій, которыя можетъ диктовать русская дипломатія. Славянская раса не заняла еще въ мірѣ того положенія, которое заняла раса латинская или германская. Вотъ, что должно въ корнѣ измѣниться послѣ нынѣшней великой войны, которая являетъ собой совершенно небывалое историческое соприкосновеніе и сплетеніе восточнаго и западнаго человѣчества. Великій раздоръ войны долженъ привести къ великому соединенію Востока и Запада. Творческій духъ Россіи займетъ, наконецъ, великодержавное положеніе въ духовномъ міровомъ концертѣ. То, что совершалось въ нѣдрахъ русскаго духа, перестанетъ уже быть провинціальнымъ, отдѣльнымъ и замкнутымъ, станетъ мировымъ и общечеловѣческимъ, не восточнымъ только, но и западнымъ. Для этого давно уже созрѣли потенціальныя духовныя силы Россіи. Война 1914 года гораздо глубже и сильнѣе вводитъ Россію въ водоворотъ міровой жизни и спаиваетъ европейскій Востокъ съ европейскимъ Западомъ, чѣмъ война 1812 года. Уже можно предвидѣть, что въ результатѣ этой войны Россія въ такой же мѣрѣ станетъ окончательно Европой, въ какой Европа признаетъ духовное вліяніе Россіи на свою внутреннюю жизнь. Бьетъ тотъ часъ міровой исторіи, когда славянская раса во главѣ съ Россіей призывается къ опредѣляющей роли въ жизни человѣчества. Передовая германская раса истощитъ себя въ милитаристическомъ имперіализмѣ. Призванность славянства пред-

чувствовали многіе чуткіе люди на Западѣ. Но осуществленіе міровыхъ задачъ Россіи не можетъ быть предоставлено произволу стихійныхъ силъ исторіи. Необходимы творческія усилія національнаго разума и національной воли. И если народы Запада принуждены будутъ, наконецъ, увидѣть единственный ликъ Россіи и признать ея призваніе, то остается все еще неяснымъ, сознаемъ ли мы сами, что есть Россія и къ чему она призвана? Для насъ самихъ Россія остается неразгаданной тайной. Россія—противорѣчива, антиномична. Душа Россіи не покрывается никакими доктринами. Тютчевъ сказалъ про свою Россію:

„Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать—
Въ Россію можно только вѣрить“.

И по истинѣ можно сказать, что Россія непостижима для ума и не измѣрима никакими аршинами доктринъ и ученій. А вѣрить въ Россію каждый по-своему и каждый находитъ въ полномъ противорѣчій бытіи Россіи факты для подтвержденія своей вѣры. Подойти къ разгадкѣ тайны, сокрытой въ душѣ Россіи, можно сразу же признавъ антиномичность Россіи, жуткую ея противорѣчивость. Тогда русское самосознаніе освобождается отъ лживыхъ и фальшивыхъ идеализацій, отъ отталкивающаго бахвальства, равно какъ и отъ безхарактернаго космополитическаго отрицанія и иноземнаго рабства.

Противорѣчія русскаго бытія всегда находили себѣ отраженіе въ русской литературѣ и русской философской мысли. Творчество русскаго духа такъ

же двоятся, какъ и русское историческое бытіе. Это яснѣ всего видно на самой характерной нашей національной идеологіи—славянофильствѣ и на величайшемъ нашемъ національномъ гениі — Достоевскомъ,—русскомъ изъ русскихъ. Вся парадоксальность и антиномичность русской исторіи отпечатлѣлась на славянофилахъ и Достоевскомъ. Ликъ Достоевскаго такъ же двоятся, какъ и ликъ самой Россіи, и вызываетъ чувства самыя противоположныя. Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются съ какой-то низостью, неблагородствомъ, отсутствіемъ достоинства, рабствомъ. Безконечная любовь къ людямъ, по истинѣ Христова любовь, сочетается съ человѣконенавистничествомъ и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христѣ (Великій Инквизиторъ) мирится съ рабьей покорностью. Не такова ли и сама Россія?

Россія—самая безгосударственная, самая анархическая страна въ мірѣ. И русскій народъ—самый аполитическій народъ, никогда не умѣвшій устраивать свою землю. Всѣ подлинно русскіе, національные наши писатели, мыслители, публицисты,—все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизмъ—явленіе русскаго духа, онъ по разному былъ присущъ и нашимъ крайнимъ лѣвымъ и нашимъ крайнимъ правымъ. Славянофилы и Достоевскій—такіе же въ сущности анархисты, какъ и Михаилъ Бакунинъ или Крапоткинъ. Эта анархическая русская природа нашла себѣ гениальное выраженіе въ религіозномъ анархизмѣ Льва Толстого. Русская интеллигенція, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской въ своей безгосударственности. Въ

лучшей, героической своей части она стремилась къ абсолютной свободѣ и правдѣ, невмѣстимой ни въ какую государственность. Наше народничество,—явленіе характерно-русское, незнакомое западной Европѣ, есть явленіе безгосударственного духа. И русскіе либералы всегда были скорѣе гуманистами, чѣмъ государственниками. Никто не хотѣлъ власти, всѣ боялись власти, какъ нечистоты. Наша православная идеологія самодержавія—такое же явленіе безгосударственного духа, отказъ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы признавали, что ихъ ученіе о самодержавіи было своеобразной формой отрицанія государства. Всякая государственность представлялась позитивистической и рационалистической. Русская душа хочетъ священной общенности, богоизбранной власти. Природа русскаго народа сознается, какъ аскетическая, отрекающаяся отъ земныхъ дѣлъ и земныхъ благъ. Наши лѣвые и революціонныя направленія не такъ уже глубоко отличаются въ своемъ отношеніи къ государству отъ направленій правыхъ и славянофильскихъ,—въ нихъ есть значительная доза славянофильскаго и аскетическаго духа. Такіе идеологи государственности, какъ Катковъ или Чичеринъ, всегда казались не русскими, какими-то иностранцами на русской почвѣ, какъ иностранной, не русской всегда казалась бюрократія, занимавшаяся государственными дѣлами,—не русскимъ занятіемъ. Въ основѣ Русской исторіи лежитъ знаменательная легенда о призваніи варягъ-иностранцевъ для управленія русской землей, такъ какъ «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ». Какъ характерно это для роковой неспособности и неже-

ланія русскаго народа самому устраивать порядокъ въ своей землѣ! Русскій народъ какъ будто бы хочетъ не столько свободнаго государства, свободы въ государствѣ, сколько свободы отъ государства, свободы отъ заботъ о земномъ устройствѣ. Русскій народъ не хочетъ быть мужественнымъ строителемъ, его природа опредѣляется какъ женственная, пассивная и покорная въ дѣлахъ государственныхъ, онъ всегда ждетъ жениха, мужа, властелина. Россія—земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность въ отношеніи къ государственной власти—такъ характерна для русскаго народа и для русской исторіи. Нѣтъ предѣловъ смиренному терпѣнію многострадальнаго русскаго народа. Государственная власть всегда была внѣшнимъ, а не внутреннимъ принципомъ для безгосударственного русскаго народа; она не изъ него созидалась, а приходила какъ бы извнѣ, какъ женихъ приходитъ къ невѣстѣ. И потому такъ часто власть производила впечатлѣніе иноземной, какого-то нѣмецкаго владычества. Русскіе радикалы и русскіе консерваторы одинаково думали, что государство—это «они», а не «мы». Очень характерно, что въ русской исторіи не было рыцарства, этого мужественнаго начала. Съ этимъ связано недостаточное развитіе личнаго начала въ русской жизни. Русскій народъ всегда любилъ жить въ теплѣ коллектива, въ какой-то растворенности въ стихіи земли, въ лонѣ матери. Рыцарство куетъ чувство личнаго достоинства и чести, создаетъ закалъ личности. Этого личнаго закала не создавала русская исторія. Въ русскомъ человѣкѣ есть мягкотѣлость, въ русскомъ лицѣ нѣтъ вырѣзаннаго и выточеннаго профиля. Платонъ Каратаевъ

у Толстого—круглый. Русский анархизм—женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный. И бунтъ Бакунина есть погруженіе въ хаотическую русскую стихію. Русская безгосударственность—не завоеваніе себѣ свободы, а отданіе себя, свобода отъ активности. Русский народъ хочетъ быть землей, которая невѣстится, ждетъ мужа. Всѣ эти свойства Россіи были положены въ основу славянофильской философіи исторіи и славянофильскихъ общественныхъ идеаловъ. Но славянофильская философія исторіи не хочетъ знать антиномичности Россіи, она считается только съ однимъ тезисомъ русской жизни. Въ ней есть антитезисъ. И Россія не была бы такъ таинственна, если бы въ ней было только то, о чемъ мы сейчасъ говорили. Славянофильская философія русской исторіи не объясняетъ загадки превращенія Россіи въ величайшую имперію въ мірѣ или объясняетъ слишкомъ упрощенно. И самымъ кореннымъ грѣхомъ славянофильства было то, что природно-историческія черты русской стихіи они приняли за христіанскія добродѣтели.

Россія—самая государственная и самая бюрократическая страна въ мірѣ; все въ Россіи превращается въ орудіе политики. Русский народъ создалъ могущественнѣйшее въ мірѣ государство, величайшую имперію. Съ Ивана Калиты послѣдовательно и упорно собиралась Россія и достигла размѣровъ потрясающихъ воображеніе всѣхъ народовъ міра. Силы народа, о которомъ не безъ основанія думаютъ, что онъ устремленъ къ внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все въ свое орудіе. Интересы созиданія, поддержанія и охраненія огромнаго государства занимаютъ совер-

шенно исключительное и подавляющее мѣсто въ русской исторіи. Почти не оставалось силъ у русскаго народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрѣпленіе и защиту государства. Классы и сословія слабо были развиты и не играли той роли, какую играли въ исторіи западныхъ странъ. Личность была придавлена огромными размѣрами государства, предъявлявшаго непосильныя требованія. Бюрократія развилась до размѣровъ чудовищныхъ. Русская государственность занимала положеніе сторожевое и оборонительное. Она выковывалась въ борьбѣ съ татарщиной, въ смутную эпоху, въ иноземныя нашествія. И она превратилась въ самодавлѣющее отвлеченное начало; она живетъ своей собственной жизнью, по своему закону, не хочетъ быть подчиненной функціей народной жизни. Эта особенность русской исторіи наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности. Невозможна была свободная игра творческихъ силъ человѣка. Власть бюрократіи въ русской жизни была внутреннимъ нашествіемъ нѣметчины. Нѣметчина какъ-то органически вошла въ русскую государственность и владѣла женственной и пассивной русской стихіей. Земля русская не того приняла за своего суженаго, опиблась въ женихѣ. Великія жертвы понесъ русскій народъ для созданія русскаго государства, много крови пролилъ, но самъ остался безвластнымъ въ своемъ необъятномъ государствѣ. Чуждъ русскому народу имперіализмъ въ западномъ и буржуазномъ смыслѣ слова, но онъ покорно отдавалъ свои силы на созданіе имперіализма, въ которомъ сердце его не было заинтересовано. Здѣсь скрыта тайна русской исторіи и русской души. Никакая

философіі исторіи, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народъ создалъ такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархическій народъ такъ покорень бюрократіи, почему свободный духомъ народъ какъ будто бы не хочетъ свободной жизни? Эта тайна связана съ особеннымъ соотношеніемъ женственного и мужественнаго начала въ русскомъ народномъ характерѣ. Та же антиномичность проходитъ черезъ все русское бытіе.

Таинственное противорѣчіе есть въ отношеніи Россіи и русскаго сознанія къ національности. Это—вторая антиномія, не меньшая по значенію, чѣмъ отношеніе къ государству. Россія—самая не шовинистическая страна въ мірѣ. Націонализмъ у насъ всегда производитъ впечатлѣніе чего-то нерусскаго, наноснаго, какой-то нѣметчины. Нѣмцы, англичане, французы—шовинисты и націоналисты въ массѣ, они полны національной самоувѣренности и самодовольства. Русскіе почти стыдятся того, что они русскіе; имъ чужда національная гордость и часто даже—увы!—чуждо національное достоинство. Русскому народу совсѣмъ не свойственъ агрессивный націонализмъ, наклонности насильственной руссификаціи. Русский не выдвигается, не выставляется, не презираетъ другихъ. Въ русской стихіи поистинѣ есть какое-то національное безкорыстіе, жертвенность, невѣдомая западнымъ народамъ. Русская интеллигенція всегда съ отвращеніемъ относилась къ націонализму и гнушалась имъ, какъ нечистью. Она исповѣдывала исключительно сверхнаціональные идеалы. И какъ ни поверхностны, какъ ни банальны были космополитическія доктрины интеллигенціи, въ

нихъ все-таки хотъ искаженно, но отражался сверхнаціональный, всечеловѣческій духъ русскаго народа. Интеллигенты - отщепенцы въ извѣстномъ смыслѣ были болѣе національны, чѣмъ наши буржуазные націоналисты, по выраженію лица своего похожіе на буржуазныхъ націоналистовъ всѣхъ странъ. Человѣкъ иного, не интеллигентскаго духа—національный гений Левъ Толстой—былъ поистинѣ русскимъ въ своей религіозной жаждѣ преодолѣть всякую національную ограниченность, всякую тяжесть. національной плоти. И славянофилы не были націоналистами въ обычномъ смыслѣ этого слова. Они хотѣли вѣрить, что въ русскомъ народѣ живетъ всечеловѣческій христіанскій духъ, и они возносили русскій народъ за его смиреніе. Достоевскій прямо провозгласилъ, что русскій человѣкъ—всечеловѣкъ, что духъ Россіи—вселенскій духъ, и миссію Россіи онъ понималъ не такъ, какъ ее понимаютъ націоналисты. Национализмъ новѣйшей формаціи есть несомнѣнная европеизація Россіи, обезличивающее реакціонно-консервативное западничество на русской почвѣ. И Катковъ, идеологъ націонализма, былъ западникомъ, никогда не былъ выразителемъ русскаго народнаго духа. Катковъ былъ апологетомъ и рабомъ какой-то чуждой государственности, какого-то «отвлеченнаго начала». (Сверхнаціонализмъ, универсализмъ—такое же существенное свойство русскаго національнаго духа, какъ и безгосударственность, анархизмъ. Націоналенъ въ Россіи именно ея сверхнаціонализмъ, ея свобода отъ націонализма; въ этомъ самобытна Россія и непохожа ни на одну страну міра. Россія призвана быть освободительницей народовъ. Эта миссія заложена въ ея особенномъ духѣ. И спра-

ведливость міровыхъ задачъ Россіи предопредѣлена уже духовными силами исторіи. Эта миссія Россіи выявляется въ нынѣшнюю войну. Россія не имѣетъ корыстныхъ стремленій.

Таковъ одинъ тезисъ о Россіи, который съ правомъ можно высказать. Но есть и антитезисъ, который не менѣе обоснованъ. Россія—самая націоналистическая страна въ мірѣ, страна невиданныхъ эксцессовъ націонализма, угнетенія подвластныхъ національностей, руссификацій, страна національнаго бахвальства, страна, въ которой все націонализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу, какъ гниль и исчадіе діавола, обреченное на гибель. Обратной стороной русскаго смиренія является необычайное русское самомнѣніе. Самый смиренный и есть самый великій, самый могущественный, единственный призванный. «Русское» и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россія—«святая Русь». Россія грѣшна, но и въ грѣхѣхъ своемъ она остается святой страной,—страной святыхъ, живущей идеалами святости. Вл. Соловьевъ смѣялся надъ увѣренностью русскаго національнаго самомнѣнія въ томъ, что всѣ святые говорили по-русски. Тотъ же Достоевскій, который проповѣдывалъ всечеловѣка и призывалъ къ вселенскому духу, проповѣдывалъ и самый изувѣрскій націонализмъ, травилъ поляковъ и евреевъ, отрицалъ за Западомъ всякія права быть христіанскимъ міромъ. Русское національное самомнѣніе всегда выражается въ томъ, что Россія почитаетъ себя не только самой христіанской, но и единственной христіанской страной въ мірѣ. Католичество совсѣмъ не признается христіан-